

П. В. Седов

«Калязинская челобитная»: замысел и историческая канва произведения

«Калязинская челобитная» — литературный памятник второй половины XVII в. — часто используется как хрестоматийный пример секуляризации русской культуры предпетровской поры. Исследователи видели в этом произведении демократическую сатиру с обличением нравов монашества. Подразумевалось, что такое произведение отражало острую критику церкви со стороны посадских людей¹. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, «Калязинская челобитная» «представляет сатирическую картину полного разложения монастырского быта», а ее автор «был уже достаточно затронут тем вольномыслием, которое в XVII в. порождало антиклерикальные и даже антирелигиозные настроения» и утратил «былое почтение к обрядовой стороне религии»².

Попытаемся проверить антиклерикальный смысл произведения, написанного в форме челобитной от имени крылошан Троицкого Калязина монастыря. Челобитная датирована 7185 (1676/1677) г., адресована архиепископу Тверскому и Кашинскому Симеону и содержит жалобу на своего архимандрита Гавриила. Названные персонажи исторически достоверны: архиепископ Симеон занимал тверскую кафедру с 1676 по 1681 г., а Гавриил в эти же годы был каля-

¹ *Короткая Л. Л.* «Калязинская челобитная» как произведение антицерковной народной сатиры XVII века // Вопросы литературы. Минск, 1960. С. 33–53; *Сидельников В. М.* Русская народная сатира // Фольклорные записки Горьковского государственного университета. 1961. № 1. С. 63.

² *Адрианова-Перетц В. П.* Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 200–202 (комментарии).

зинским архимандритом, до перевода в настоятели Новоспасского монастыря в Москве³.

«Калязинская челобитная» является причудливым смешением правдоподобных и даже совершенно точных деталей с литературным вымыслом и дерзкой выдумкой. Косвенные данные позволяют считать автором произведения человека, знакомого с монашеской жизнью, может быть, монаха того же монастыря. Автор пародирует повседневный обиход и молитвы «крылоских уставов», упоминая о начале службы «по утру рано, за три часа до дни», «часы», молитвы «блаженна» и «слава и ныне». В другом месте челобитной читаем: «...коли мы <...> до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем <...>, и тогда мы немножко умедлим и к десятой песни поспеем, а иные к роскодному началу»⁴.

Близость автора к Троицкому Калязину монастырю проявилась в том, что имена монастырской братии имеют вполне обычный вид: «старец Уар», привратник «кривой старец Фалалей», «чашник старец Ефрем». Эти имена лишены литературного обобщения и напоминают настоящие. Автор знает, что из монастыря обычно ездят за покупками в Кашин, куда он и предлагает продать колокола, а на эти деньги купить там же вина.

Другое дело — Москва, для автора произведения место далекое, и в упоминаниях о нем нет никаких реальных деталей. Когда о пьянстве калязинских монахов «известно стало на Москве начальным людям», они «лучших бражников сыскали — старого подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу <...>, чтобы они делом не плошали <...> иных бы пить научали»⁵. Имена московских начальных людей не названы, а имена подьячего и попа — результат литературного обобщения; они собирательно указывают на посулы и битые или колокольный звон.

Поскольку автор адресовал свое произведение современникам, для его понимания важно прочесть текст в контексте ассоциаций того времени, отложив в сторону далекие для человека XVII в. выводы о секуляризации культуры и демократической сатире.

Одна такая реальная деталь должна была в первую очередь обратить на себя внимание читателя второй половины XVII в., но, как это ни удивительно, она осталась незамеченной исследователями. Между тем, с нашей точки зрения, эта деталь выражает основную идею произведения: «Да он же, архимандрит, великой пост вновь завел земные поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковник звонить, за старыми остатки “часы” говорит, а “блаженна” ведре над вчерашним

³ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007. Ст. 443, 449.

⁴ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. С. 53.

⁵ Там же. С. 52.

пивом на шесть ковшов “слава и ныне”, до свету на печь спать»⁶. Следовательно, архимандрит, на которого жалуются монахи, восстановил в монастыре земные поклоны во время великопостного богослужения, запрещенные патриархом Никоном. Монахи подчеркивают, что в новых никонианских уставах «того не написано», но зато предписано пьянствовать и спать.

Итак, пародируются не нравы монахов вообще, а нравы никониан, которые погрязли в пьянстве, лени и блуде. Присланный архимандрит восстанавливает в монастыре благочестие, чем и вызывает их возмущение: «Да он же, архимандрит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чуть он, архимандрит, монастырь не запустошил: некому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных»⁷.

Новый настоятель заставляет монахов есть «репу пареную да ретку валенную, кисель с братом да посконная каша на вязовой лошке» вместо еды, которую монахи привыкли есть в постные дни: «вязига да икра», белорыбца, стерляжья уха, блины с маслом и медом, пиво мартовское и хмельной мед. Сам же архимандрит, который столь озлобил монахов, по их же словам «один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет»⁸.

От имени калязинских монахов в тексте челобитной утверждается, что у нового архимандрита «ума не стало», живет «не гораздо, забыл страх Божий и иноческое обещание», «монашескому житию не навывчен», монастырь «запустошил». Монахи «пишут» об этом архиепископу Симеону, который был поставлен на тверскую кафедру 16 апреля 1676 г. из духовников боярина А. С. Матвеева⁹. Последний был яростным противником старообрядцев, а сам Симеон был ревностным сторонником никоновской реформы. Видимо, автор произведения осознавал эти реалии: никониане-монахи просят своего архиепископа защитить их от раскольника-архимандрита.

При этом слова о верности архимандрита Божьим заповедям адресованы читателю, который в действительности понимает, что такой настоятель, напротив, умен, помнит свои обеты и страх Божий. Челобитчики вынуждены признать, что их новый пастырь успешно наставляет их на истинный путь, хоть и против их воли: «от тое его, архимандритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем»¹⁰.

В произведении подвергнуто осмеянию всё и вся, кроме архимандрита Гавриила. Ненавидящие его монахи-никониане пишут о нем: «...родом ростовец,

⁶ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. С. 52.

⁷ Там же. С. 51–52.

⁸ Там же. С. 52–53.

⁹ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2008. С. 211, 272.

¹⁰ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. С. 52.

а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец»¹¹. Архимандрит Гавриил действительно был родом из Ростова. Он состоял в родстве с суздальским архиепископом Стефаном, осужденным в 1678 г. на церковном соборе за сочувствие старой вере.

Это позволяет предполагать, что другие черты архимандрита Гавриила тоже реальны. Поморский «нрав» можно трактовать как сочувствие старообрядцам: всего за несколько месяцев до обозначенной в челобитной даты царские войска захватили оплот староверов в Поморье — Соловецкий монастырь. «Колмогорский» ум означал рассудительность и сметку, необходимые в единственном внешнем порту страны — Холмогорах. Гостеприимство каргопольцев, оказавшихся на пересечении торговых путей севера страны, было, надо полагать, общеизвестно. Любопытно, что автор произведения использует для похвалы знакомые северные реалии дорогих его сердцу Поморья, Холмогор и Каргополя.

Противопоставление старовера-архимандрита пьяницам-никонианам проходит сквозь все произведение, образуя смысловой стержень памятника. Это сатира не на церковь и монашество, а на никониан. Такое произведение было адресовано тем, кто сочувствовал «древлему благочестию», и не подразумевало ни секуляризации, ни демократической сатиры. Напротив, автор «Калязинской челобитной» был традиционалистом и выступал против «новин» патриарха Никона.

Дата «Калязинской челобитной» конкретна, а значит — не случайна. Именно в это время противостояние старообрядцев и никониан коснулось мест в непосредственной близости от Троицкого Калязина монастыря. В ноябре 1676 г. царь Федор Алексеевич со всем двором намеревался посетить Кашин. Здесь были открыты мощи святой Анны Кашинской, у которой персты во гробе были сложены двоеперстно. Кашин и его окрестности был взбодоражен полемикой вокруг святой, прославившей этой край.

В глазах староверов персты Анна Кашинской убеждали в древности двоеперстия и подтверждали их правоту, почему они и стремились показать ее мощи юному царю. Вместе с царем в Кашин отправилась его крестная мать — царевна Ирина Михайловна, ревностная сторонница Аввакума. Однако патриарх Иоаким запретил почитание Анны Кашинской, и царь Федор Алексеевич не доехал до Кашина несколько десятков верст. Патриарх назначил специальную комиссию для расследования кашинского дела, куда вошел и тверской владыка Симеон. Он не обманул возложенных на него ожиданий и доложил церковному собору, что «чудеса» Анны Кашинской вымышлены. В 1678 г. церковный собор исключил Анну из сонма русских святых¹². Этот же собор осудил ближайшего родственника архимандрита Гавриила — суздальского архиепископа Стефана. Он был лишен сана и сослан в Лисицкий монастырь.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² См. Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 255–260, 272.

Реальный калязинский архимандрит Гавриил не стал открыто противиться икононовским нововведениям, как его опальный родственник. Это позволило Гавриилу впоследствии сделать карьеру: в 1681 г. он стал архимандритом придворного Новоспасского монастыря, а в 1684 г. — вологодским архиепископом. Тем не менее, в синодике вологодского кафедрального собора Гавриил на первом месте после своих родителей велел написать имя Стефана, память которого он чтит¹³.

Таким образом, мнимая антицерковная направленность Калязинской челобитной отражает не столько ее замысел, сколько идеи, господствующие в историографии XX в.

References

- Adrianova-Peretc V. P.* Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka. M., 1977.
Korotkaya L. L. «Kalyazinskaya chelobitnaya» kak proizvedenie anticerkovnoj narodnoj satiry XVII veka // *Voprosy literatury.* Minsk, 1960. S. 33–53.
Sedov P. V. Zakat Moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII v. M., 2008.
Stroev P. Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej rossijskoj cerkvi. M., 2007.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В. П.* Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
Короткая Л. Л. «Калязинская челобитная» как произведение антицерковной народной сатиры XVII века // *Вопросы литературы.* Минск, 1960. С. 33–53.
Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2008.
Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007.

¹³ Русский биографический словарь. Гааг–Гербель. М., 1991. С. 39.